

Преданіе Церкви и преданія школы.

VI.

Предсоборнымъ канонистамъ, какъ уже говорили мы, желательно было, во что бы то ни стало доказать, что пресвитеры не имѣютъ другой власти и другого значенія въ церкви, кромѣ тѣхъ, которыя *отъ себя* делегируетъ имъ епископъ, уполномоченными котораго пребываютъ они во всемъ церковномъ своемъ служеніи. Въ пылу охватившей ихъ ревности и стремленія отстоять правоту своего измышленія противъ посылаемыхъ имъ возраженій они творятъ безусловныя чудеса, т. е. видя не видятъ и слыша не слышатъ, но зато усматриваютъ въ канонахъ—то, чего въ нихъ вовсе не имѣется, но что хотѣлось бы имъ найти. Наконецъ, торжественно разсуждаетъ напр. проф. Алмазовъ, дабы разсѣять всякія сомнѣнія все о дѣйствительности того же порученія, остается напомнить, что въ законахъ еще въ сѣдой древности этотъ вопросъ категорически разрѣшенъ *въ положительномъ смыслѣ*. Въ томъ же древнѣйшемъ кодексѣ апостольскихъ правилъ и собственно въ прав. 36 мы читаемъ: Аще кто, рукоположенъ отъ епископа, не приметъ служенія и попеченія о народѣ, ему порученнаго, да будетъ отлученъ пока не приметъ онаго... Такожде пресвитеръ и діаконъ“. Кажется, эти слова такъ точно доказываютъ, гдѣ въ настоящемъ случаѣ истина, что какія-либо поясненія къ нимъ представляются лишними (Ц. Вѣдом. 1906 № 49 стр. 183).

Увы! побѣда существуетъ только въ воображеніи проф. Алмазова. Онъ не такъ прочелъ правило, какъ оно написано даже и въ русскомъ переводѣ его. Неточность цитированія нельзя почитать, однако, опечаткой журнала, ибо

при правильномъ цитированіи не только не получилось-бы того смысла, который усматриваетъ въ правилѣ проф. Алмазовъ, но совершенно ясенъ былъ бы и дѣйствительный смыслъ его, какъ разъ противоположный утверждаемому. Дѣло въ томъ, что въ 36 апостольскомъ правилѣ говорится вовсе не о рукоположенномъ *отъ* епископа, а о рукоположенномъ *во* епископа, въ силу чего и проводится аналогія между епископомъ, пресвитерами и діаконами, а не устанавливается различіе между ними. Приведемъ самое правило, какъ стоитъ оно въ синодальномъ изданіи. „Аще кто, бывъ рукоположенъ во епископа, не приѣмлетъ служенія и попеченія о народѣ, ему порученнаго, да будетъ отлученъ, доколѣ не приметъ онаго. Такожде и пресвитерь и діаконъ“. Итакъ, если-бы проф. Алмазовъ правильно прочелъ 36 апостольское правило, прежде чѣмъ его цитировать и имъ разбивать противниковъ делегации, онъ не могъ бы не замѣтить, что, даже по синодальному переводу, *какъ* епископъ *такъ* и пресвитеры и діаконы дѣйствуютъ въ одинаковой степени по *порученію*, имъ данному, и что въ этомъ смыслѣ правиломъ проводится аналогія между ними, а не устанавливается различіе. Различіе можно предположить только въ томъ, что для пресвитера и діакона порученіе исходитъ отъ епископа, а для епископа отъ собора епископовъ области, устно или письменно выразившихъ свое соизволеніе. Но по подлинному тексту или по буквальному вѣрному переводу, и такое предположеніе будетъ ошибочнымъ. „Если какой-либо рукоположенный епископъ не приметъ служенія и заботы о народѣ, ему порученный (*την φρόντιδα... την ἐγγειροθείσαν*). Итакъ, порученіе относится не къ служенію въ его совокупности (*την λειτουργίαν*) а только къ заботѣ, ибо иначе причастіе (*την ἐγγειροθείσαν*) обязательно должно было бы стоять не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ. Но (*ἐγγειρίζω*) значитъ не поручаю, какъ передали мы, чтобы не сразу во всемъ отступить отъ синодальнаго перевода, а только исключительно вручаю, передаю въ руки, ввѣряю. Но чтоже именно было вручено, ввѣрено, передано въ руки рукоположеннаго епископа и не принимается имъ? *Φρόντις τοῦ λαοῦ*—забота народа, попеченіе народа, а не забота о народѣ или попеченіе о народѣ — *φρόντις περὶ τὸν λαόν*, какъ слѣдовало бы сказать въ этомъ

случаѣ. Такимъ образомъ вручающимъ, вѣряющимъ, передающимъ заботу о себѣ, являлся бы самъ народъ. Такое толкованіе, внушаемое грамматическимъ построеніемъ предложенія, въ историческомъ отношеніи представляется безусловно возможнымъ. Припомнимъ, что при рукоположеніи епископа, по постановленіямъ апостольскимъ, собравшійся въ храмѣ народъ первоначально спрашивается по отношенію къ рукополагаемому: тотъ ли это, кого они просятъ себѣ епископомъ?

По шестому Сардикійскому правилу предвидится случай, что въ области, имѣющей многихъ епископовъ, одинъ изъ нихъ будетъ отсутствовать и по небреженію не захочетъ быть въ собраніи и согласиться на поставленіе, а собравшійся народъ будетъ просить, чтобы поставленъ былъ требуемый имъ епископъ. Далѣе говорится въ томъ же правилѣ, что если отсутствующій епископъ и по новомъ его приглашеніи не удостоитъ придти и не пришлетъ грамоты, „подобаетъ удовлетворити желанію народа—*τὸ ἕκοντὸν τῆ βούλησει τὸν πλῆθος χοῆ γίνεσθαι*—надлежащее по желанію народа должно совершиться“. Незаконность рукоположенія Григорія Каппадокійца видѣли въ томъ, что онъ не былъ испрошенъ народомъ Александріи (Папа Юлій въ посланіи). Наоборотъ, египетскіе епископы, въ доказательство полной законности рукоположенія Аѳанасія, приводили, именно, то что, онъ испрошенъ былъ всѣмъ народомъ. „Если обращается городъ, говорится въ приведенномъ уже Сардикійскомъ правилѣ, настолько возросшій многочисленностью народа, что признанъ будетъ достойнымъ епископства, да приметъ. Не сказано „да пошлютъ“, „назначать“, но сказано „да приметъ“ (*λαβονετω*), что указываетъ на предшествующее принятію ходатайство города, какъ выраженіе заботы самого народа. Всѣ эти примѣры,—а мы могли бы значительно увеличить число ихъ, доказываютъ, что желаніе народа, забота народа (*φρόντιεις τὸν λαόν*) передъ рукоположеніемъ епископа занимала не только не послѣднее мѣсто, но имѣла и весьма существенное значеніе. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если текстъ апостольскаго правила говоритъ: „Если кто-либо по рукоположеніи во епископа не приметъ служенія и заботы народа, ему вѣренной (или переданной въ руки) да будетъ отлученъ“. Такимъ образомъ выходило бы, что на-

родъ ввѣряетъ будущему своему епископу свою заботу о себѣ и о мѣстной своей церкви, которую будущій епископъ до рукоположенія можетъ принять или не принять, но отъ которой не можетъ уже отказаться онъ, когда рукоположеніе надъ нимъ будетъ совершено. Такое истолкованіе правила внушается грамматическимъ его построениемъ и значеніемъ употребляемыхъ въ немъ словъ ¹⁾.

Такое же истолкованіе его правила свидѣлствуется антиохійскимъ пересказомъ. „Если какой либо епископъ, принявъ рукоположеніе епископское и бывъ опредѣленъ предъстоять народу, не приметъ служенія и нельзя будетъ убѣдить его (*μηδε λειδοιτο*) отойти въ ввѣренную ему церковь, таковому быть отлученнымъ пока, будучи вынужденъ, не приметъ (служенія) или постановитъ о немъ что либо совершенный соборъ епископовъ области“ (Антиох. 17). Глубоко ошибается А. И. Алмазовъ, предполагая, что приводимое имъ въ искаженномъ видѣ апостольское правило ни въ какомъ поясненіи не нуждается. Безусловно яснымъ представляется только то, что оно распространяетъ *порученіе* (делегацию) прежде всего на епископа, а затѣмъ уже, по аналогіи съ нимъ, и на пресвитеровъ и діаконовъ, что окончательно устраняетъ тотъ специальный смыслъ, который придается ему торжествующимъ заблаговременно полемизаторомъ. Церковное служеніе въ равной степени исполняется епископами, пресвитерами и діаконами въ силу *порученія*, на нихъ возложеннаго, или въ силу попеченія, имъ врученнаго. Но на этомъ и просѣкается безусловная ясность, очевидность правила, ибо самъ собою возникаетъ вопросъ: кѣмъ совершается, отъ кого исходитъ порученіе или врученіе? Поручающимъ или вручающимъ можетъ быть Богъ, точнѣе Духъ Святой, но могутъ быть и епископы, совершающіе рукоположеніе, какъ можетъ быть и вся церковь или даже народъ, *просящій*

¹⁾ Мы указываемъ на такое истолкованіе только, какъ на внушаемое грамматическимъ построениемъ текста и могущее быть вполнѣ оправданнымъ съ церковно-исторической точки зрѣнія, но отнюдь не какъ на обязательное. Дѣлаемъ мы это только для того, чтобы разрушить увѣренность проф. Алмазова въ излишность толкованія. Въ дѣйствительности же основательно предполагать, что выраженіе *φρόντις τοῦ λαοῦ* употреблено, хотя и неправильно, для краткости вмѣсто *φρόντις περὶ τὸν λαόν*—забота о народѣ.

о рукоположеніи намѣченнаго имъ епископа, пресвитера или діакона тѣмъ выражающей свою заботу (*φρόντις τοῦ λαοῦ*). Ни одному изъ этихъ рѣшеній правило не оказываетъ предпочтенія; поставленный *выше* вопросъ оставляется имъ совершенно открытымъ. Правило гласитъ только то, что ни епископъ, ни пресвитеръ, ни діаконъ послѣ совершеннаго уже рукоположенія ихъ, не могутъ отказываться отъ порученнаго или врученнаго имъ служенія, которое, конечно, до рукоположенія могли они принимать или не принимать, что равносильно было бы согласію или несогласію ихъ на принятіе рукоположенія. Моментъ утраты права принимать или не принимать порученное служеніе совпадаетъ по разсчитываемому правилу съ моментомъ или актомъ рукоположенія, а потому и на рукоположеніе въ правѣ смотрѣть мы, какъ на моментъ порученія. „Но рукополагаетъ, скажутъ намъ, епископъ или епископы, а потому и поручаетъ епископъ или епископы“. Не представляется ли такое сужденіе черезчуръ уже легкомысленнымъ и опрометчивымъ. *Post hoc non est propter hoc* гласитъ правило логики. Приведемъ нѣкоторыя сему поясненія. Духъ Святой сказалъ бывшимъ въ Антиохіи учителямъ и пророкамъ, а черезъ нихъ и всей бывшей тамъ церкви: „отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ. Тогда они, совершивши постъ и молитву и возложивши на нихъ руки, отпустили ихъ“. (Дѣян. XIII, 2. 3). Моментъ порученія безспорно совпадалъ для Варнавы и Савла съ моментомъ объявленія имъ изволенія Духа Святаго и сопутствовавшихъ объявленіе возложенія рукъ и отпуска, но слѣдуетъ ли отсюда, что порученіе исходило отъ пророковъ и учителей или даже отъ всей антиохійской церкви, совершалось черезъ возложеніе рукъ и отпускъ, съ которыхъ получало оно начало? „Сии бывши посланы Духомъ Святымъ пришли въ Селевкію а оттуда отплыли въ Кипръ“. Порученіе исходило отъ призвавшаго, а не отъ передававшихъ порученіе черезъ возложеніе рукъ и отпускъ отъ бывшихъ въ свою очередь только исполнителями порученія. Павелъ говоритъ вызваннымъ имъ изъ Ефеса пресвитерамъ, которыхъ, вѣроятно, онъ же съ Варнавою въ свое время рукоположилъ: „Внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой *поставилъ* васъ блюстителями пасти церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ

кровию Своею“ (Дѣян. XX, 28). Діакона, пресвитера, епископа рукополагаетъ епископъ или епископы. Но кого рукополагаютъ они? Только того, кого предварительно объявляютъ они предъизбраннымъ, проручествуемымъ Божественною Благодатію, какъ пророки и учителя въ Антиохіи объявляли Савлу и Варнавѣ о порученіи имъ Духомъ Святымъ того дѣла, для котораго избралъ онъ Савла, при чемъ самое объявленіе это сопровождалось возложеніемъ рукъ и отпускомъ на служеніе. Епископа, пресвитера и діакона рукополагаютъ епископы или епископъ, но не они поручаютъ служеніе, а Божественная благодать, которая проручествуетъ къ сему служенію, непосредственно указуя и степень его и самое мѣсто служенія. Епископа, пресвитера и діакона рукополагаютъ епископы или епископъ, но они открыто исповѣдуютъ при этомъ или точнѣе сама церковь исповѣдуетъ ихъ устами, что не въ наложеніи рукъ ихъ, но въ посѣщеніи милостей (*οικτιρμοι*) Бога дается благодать достойнымъ Его. Къмъ же испрашивается эта благодать? „Помолимся убо о немъ, говоритъ о рукоположенномъ рукополагающій, да снидетъ на него благодать Всесвятаго Духа“. И вся церковь молится о ниспосланіи этой благодати.

Итакъ, апостольское правило, на которое побѣдонсно ссылается проф. Алмазовъ, свидѣтельствуется только о томъ, что носители всѣхъ трехъ степеней священства: епископы, пресвитеры и діаконы совершаютъ церковное служеніе свое въ силу порученія, извнѣ имъ преподаннаго и или воспринятаго, что проводить полную аналогію между ними, но никакого различія между ними въ этомъ отношеніи не утверждаетъ. Откуда происходитъ порученіе,—правило не указываетъ, ибо для цѣли, ради которой оно составлено и которая выяснится для насъ позднѣе, источникъ порученія никакого значенія не имѣетъ. На порученіе со стороны епископа или епископовъ въ правилѣ, въ свою очередь, ни малѣйшаго намека не существуетъ. Оно можетъ исходить отъ Духа Святаго, какъ можетъ исходить отъ рукополагающаго епископа или епископовъ, какъ можетъ исходить отъ всей церкви, въ избраніи, одобреніи и рукоположеніи участвующей, отъ церкви *просящей* себѣ епископа и приводящей его къ рукоположенію. Но между тремя этими предположеніями существуетъ только формальное различіе, а отнюдь не различіе по суще-

ству. Порученіе въ концѣ концовъ исходитъ отъ Духа Святаго. Но Духъ Святой дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ не непосредственно, а посредственно; Онъ живетъ въ церкви и дѣйствуетъ черезъ церковь, а такъ какъ не можетъ быть церкви безъ епископа, какъ и епископа нѣтъ безъ церкви, то Онъ дѣйствуетъ черезъ посредство какъ церкви, такъ и епископа, ибо они другъ отъ друга неотдѣлимы. Скажемъ, что порученіе исходитъ отъ церкви. Но церковь по существу своему неотдѣлима отъ епископа, какъ неотдѣлима и отъ Духа Святаго, живущаго въ ней, а потому поручая служеніе, она дѣйствуетъ въ надлежащемъ общеніи съ епископомъ, какъ дѣйствуетъ и въ надлежащемъ общеніи съ Духомъ Святымъ, которые становятся участниками и общниками въ порученіи. Церковь не сама только отъ себя поручаетъ служеніе, но молить Бога, купно съ возлагающимъ руку епископомъ, о ниспосланіи благодати Духа Святаго на представляемаго ею къ служенію, а потому получающій благодать свыше, свыше же получаетъ и порученіе, хотя и не непосредственно, а черезъ церковь.

Проф. Алмазовъ, повторимъ эти слова, жестоко ошибается, утверждая, что приводимое имъ апостольское правило ни въ какомъ поясненіи не нуждается. Конечно, для того, чтобы только приводить правило, не понимая его, объясненія его какими бы то ни было сторонними для него документами или условіями мѣста и времени его происхожденія представляются совершенно излишними. Но вѣдь правила надо понимать, а для того надо по крайней мѣрѣ пытаться уяснить ихъ для себя. Между тѣмъ именно 36 апостольское правило само по себѣ представляетъ въ своемъ содержаніи много неяснаго и загадочнаго. Мы не будемъ уже говорить о всей второй части его, непосредственнаго отношенія къ предмету настоящаго разсужденія не имѣющей, какъ не станемъ указывать на затруднительность опредѣлить, что именно подразумѣваетъ оно подъ объектомъ врученія, ввѣренія, передачи въ руки (*φρόντις τοῦ λαοῦ*) забота народа или (*φρόντις περὶ τὸν λαόν*) забота о народѣ? Откуда могло возникнуть въ церкви предположеніе, что рукоположенный не приметъ служенія ему ввѣреннаго при рукоположеніи, довольствуясь только фактомъ самого рукоположенія? Рѣчь идетъ, какъ очевидно, не объ отказѣ отъ служенія по исте-

ченіи нѣкотораго времени, а объ уклоненіи отъ него тотъ-часъ въ слѣдъ за рукоположеніемъ. Факты духовнаго, а иногда и физическаго даже насилія при рукоположеніи въ церковной исторіи дѣйствительно упоминаются; но во-первыхъ насиліе это по существу представляется только относительнымъ, какъ напр. злоупотребленіе дружбою со стороны Василия Великаго при рукоположеніи Григорія Назіанзина въ Сасимѣ, а во-вторыхъ такіе случаи были всетаки исключительными, не вынуждающими составленія общаго правила. Кромѣ того врядъ ли церковь могла бы принять такіе акты насильственнаго рукоположенія подъ свою защиту, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ, о которыхъ имѣемъ мы свѣдѣнія, они исходили отъ народа или даже толпы, а не отъ іерархіи. Надо полагать, что правило имѣетъ въ виду добровольно принявшихъ рукоположеніе, можетъ быть, даже и искавшихъ его, но уклоняющихся отъ служенія, являющагося его послѣдствіемъ. Что же могло побуждать отдѣльныхъ лицъ, не являющихся, вѣроятно, рѣдкими исключеніями, добиваться рукоположенія или по крайней мѣрѣ добровольно принимать его, чтобы затѣмъ тотчасъ же упорно отказываться отъ служенія, къ которому оно по самому существу своему призываетъ? Церковная исторія IV вѣка даетъ намъ на это весьма обстоятельный отвѣтъ. Предоставленіе клиру со стороны государства обширныхъ льготъ, какъ освобожденіе отъ воинской повинности, отъ обязательнаго несенія государственныхъ службъ, соединенныхъ всегда съ болѣе или менѣе крупными затратами и особенно тяжелыхъ для высшихъ государственныхъ должностей, составляющихъ особую повинность для людей зажиточныхъ и богатыхъ, для владѣльцевъ крупныхъ имѣній, равно какъ и освобожденіе отъ нѣкоторыхъ общихъ налоговъ имѣло своимъ послѣдствіемъ усиленное стремленіе въ клиръ со стороны желающихъ получить всѣ эти возжеланныя льготы. Сенаторы, утомленные обязательно службой, сановники, владѣльцы крупныхъ имѣній, не желавшіе ни покидать своего хозяйства ни обременять его тяжелыми сборами на государственныя нужды, военные расходы, празднества и зрѣлища, усиленно добивались даже поступленія въ нисшія степени клира въ родѣ какихъ-либо остіаріевъ или парамонаріевъ хотя, конечно, предпочитали полученіе

болѣе почетныхъ титуловъ—пресвитера и епископа. Государство, какъ видно изъ многихъ статей кодекса Феодосія, усердно стремилось, съ своей стороны, положить предѣлъ этому непомѣрному и опасному для фискальныхъ его интересовъ стремленію въ клиръ, устанавливая между прочимъ извѣстныя желанныя нормы для клира и разрѣшая имѣть клириковъ сверхъ установленной нормы только изъ числа монаховъ, на которыхъ льгота уже была распространена. Церковь въ свою очередь не могла оставаться равнодушной къ этому опасному для духовныхъ интересовъ ея наплыву. Съ одной стороны, провидѣла она возможность включенія въ клиръ совершенно нежелательныхъ и зловредныхъ для нея элементовъ; съ другой стороны, обремененіе клира непригодными и недѣятельными членами сокращало число дѣйствительно необходимыхъ церкви клириковъ, такъ какъ она была стѣснена установленными отъ государства нормами. „Одни изъ нихъ, говоритъ Аѳанасій Великій о такихъ нежелательныхъ членахъ клира, прямо отъ идоловъ, другіе изъ сената и изъ первыхъ правительственныхъ мѣстъ *для этого жалкаго увольненія отъ службъ*, для людскаго покровительства, деньгами склонивъ на свою сторону давнихъ мелетіанъ вступали въ епископскій санъ, прежде нежели были оглашены... Впрочемъ и тѣ, которые не почитали себя оглашенными, приступали вмѣстѣ съ ними и тотчасъ, какъ дѣти пріявъ имя, нарекаемы были епископами. И поэтому-то, какъ незнающіе христіанства, ни во что вмѣняли дѣло и не полагаали различія между благочестіемъ и нечестіемъ; охотно и скоро изъ мелетіанъ сдѣлались аріанами, и если другое что повелить кесарь—готовы измѣниться и въ это. Незнаніе благочестія скоро доводитъ ихъ до обычнаго имъ неблагоразумія, какому научились изначала (т. е. на государственной службѣ). Для нихъ ничего не значитъ влачиться всякимъ вѣтромъ и волненіемъ, *только бы не нести на себѣ государственной службы и имѣть покровительство отъ людей*. А можетъ быть, они и не перемѣняются, оставаясь таковыми же, какими были и прежде, какими были, находясь въ язычествѣ. Такіе-то люди, имѣя нравъ ко всему склонный, думая, что церковь тотъ же сенатъ, помышляя еще объ идолахъ и принявъ на себя прекрасное имя Спасителя, какъ язычники осквернили весь Египетъ“ (Посланіе къ монахамъ

гл. 78 Русскій пер. II, 170). Само собою разумѣется, что такіе искатели льготнаго положенія и покровительства дѣйствовали не въ одномъ Египтѣ и не черезъ посредство однихъ только отколовшихся мелетіанъ. Василій Великій свидѣтельствуешь, что многіе усиленно стремились къ занятію даже высшихъ должностей клира и что большинство стремившихся гонимо было страхомъ военной службы—*φοβῶ τῆς στρατιολογίας* (Epist. 54). Исидоръ Пелузскій сообщаетъ, что санъ епископа былъ въ его время предметомъ особенныхъ вождельній для весьма многихъ, а такъ какъ наряду съ тѣмъ сообщаетъ онъ и о полномъ недостойствѣ носителей этого сана, то это даетъ предполагать, что не дѣйствительное и истинное служеніе Церкви лежало въ основаніи стремленія для многихъ, если и не для большинства усердныхъ искателей этого сана. Жизнеописатель Златоустаго—Палладій свидѣтельствуешь, на основаніи имѣвшихся у него слѣдственныхъ актовъ, что митрополитъ Ефесскій Антонинъ рукополагалъ за деньги въ епископа тѣхъ, кто только желалъ избавиться отъ безвыгодной или сопряженной съ расходами государственной службы.

Такимъ образомъ, со временъ Константина Великаго въ виду предоставляемыхъ клиру льготъ, а также и почестей для высшихъ его степеней, епископство, пресвитерство и, вообще, включеніе въ клиръ стало предметомъ вождельній для многихъ. Примѣръ Антонина Ефесскаго свидѣтельствуешь намъ, что высшая церковная іерархія ради многихъ выгодъ иногда покровительствовала такимъ вождельніямъ, или, по крайней мѣрѣ, снисходительно къ нимъ относилась. Исидоръ Пелусіотъ подробно и многократно описываетъ намъ постыдную продажу рукоположенія епископа Пелузы Евсевіемъ и экономомъ его Мартиніаномъ и если не называетъ приобрѣтеніе государственныхъ льготъ главнымъ побужденіемъ со стороны искателей церковныхъ должностей, то и оно, конечно, не являлось вполнѣ отсутствующимъ. Такимъ образомъ, съ первой четверти IV вѣка титулы епископа, пресвитера, діакона, въ особенности же титулъ епископа стали вождельнными для весьма многихъ людей, совершенно независимо отъ служенія, къ которому они призывали. Очень понятно, что многіе охотно довольствовались бы однимъ бы только титуломъ въ виду почета и льготъ, съ по-

шеніемъ его сопряженныхъ, не принимая тяжелыхъ обязанностей самаго служенія. Очень понятно, что многіе пытались и на практикѣ осуществить такое свое желаніе, т. е. соглашались на избраніе или даже добивались его, подвергались рукоположенію и принимали его, но затѣмъ упорно уклонялись отъ принятія вѣреннаго имъ служенія. Отдѣльныхъ фактовъ такой политики, по крайней скудости историческихъ памятниковъ, указать мы, конечно, не можемъ, но именно 36-ое апостольское правило и 17-ое Антиохійское свидѣтельствуетъ намъ, что въ такого рода поползновеніяхъ не было недостатка. Между тѣмъ 17-ое Антиохійское правило возникло именно въ эпоху того наплыва и усиленнаго стремленія въ клиръ, о которомъ свидѣтельствуетъ Аѳанасій Великій.

Мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ послѣднемъ правилѣ въ виду нѣкоторой особенности, представляемой имъ и чуждой правилу апостольскому. „Если какой-либо епископъ, принявшій епископское рукоположеніе (*χειροθεσιας ἐπισκόπου λαβών*) и опредѣленный предстоять народу, не приметъ служенія и не убѣдится“ (*μηδε λειθото*) уйти во врученную ему церковь, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго, пока, будучи вынужденъ, не приметъ (служенія) или постановитъ о немъ что либо совершенный соборъ епископской области“. Особенность, о которой говоримъ мы, заключается въ томъ, что рукоположенный не только не принимаетъ служенія, но и отказывается идти въ вѣренную ему церковь, не хочетъ оставить мѣсто, къ которому приковылаютъ его дѣла, хозяйство, имущество, привычки и т. п. По существу, тоже нежеланіе разстаться съ мѣстомъ и уходитъ подразумѣвается и въ апостольскомъ правилѣ, какъ это видно изъ второй его половины: если же отойдя не приметъ не по своей волѣ, но по злобѣ народа и т. д. Прежде всего, что такое злоба народа, о которой гласитъ переводъ? Употребленное здѣсь слово *μωχθηρια* никогда и нигдѣ злобы не обозначаетъ, какъ и однородныя съ нимъ слова—*μωχος*, *μωχέω*, *μωχηα*, *μωχθηρος*—никакого намека на злобу, зло или злостность въ себѣ не заключаютъ. Глаголь *μωχέω* обозначаетъ: напрягаюсь, тружусь, изнуряюсь усилями, страдаю, терплю, переношу. Сообразно сему, *μωχθηρια* обозначаетъ только несчастіе, горе, неспособность, незнаніе дѣла, скуд-

ность, захудалость, какъ *μωδος* напряженіе, усиліе, трудъ бѣда, горе, несчастіе. Понятіе о злобѣ народа, совершенно вопреки смыслу употребленныхъ словъ, внесено произвольно не понимавшими уже правила позднѣйшими толкователями или переводчикомъ, какъ результатъ запретнаго и позднѣе ожившагося мнѣнія. „Народъ не принимаетъ присланнаго ему со стороны епископа, слѣдовательно онъ злой, злобный народъ“. Но правило говорить только о неспособности, невѣжествѣ, изнуренности народа. Далѣе въ правилѣ тотъ же народъ называется *ἀνυποταχτος*. Но это значить прежде всего „неподчиненный“, „непоборенный“, не признающій зависимости, подчиненности, неупорядоченный и только можетъ истолковываться въ смыслѣ непокорности или упорства. Кфирь сего народа подвергается по правилу отлученію за то, что не былъ руководителемъ, воспитателемъ *παιδευται* сего неупорядоченнаго или непризнающаго въ такой степени зависимости и подчиненности народа. Но если этотъ непокоренный, не признающій подчиненности или неупорядоченный народъ не принимаетъ посланнаго къ нему епископа, то почему же подвергается столь суровой отвѣтственности клиръ, имѣвшій и имѣющій дѣло съ тѣмъ же признающимъ зависимости, непокорнымъ и неупорядоченнымъ народомъ? Все это рядъ загадокъ, для которыхъ мы попытаемся дать нѣкоторое рѣшеніе. 36 правило апостольское воспроизводитъ содержаніе двухъ правилъ Антиохійскаго собора, а именно 16 и 17-го, при чемъ во второй своей половинѣ представляетъ мотивировку этого послѣдняго. Учеными изслѣдованіями неоднократно было указываемо, что въ составъ сборника апостольскихъ правилъ включены сокращенные пересказы постановленій нѣкоторыхъ соборовъ въ томъ числѣ и Антиохійскаго собора 342 г. Итакъ, мы можемъ сказать, что прототипомъ означеннаго выше апостольскаго правила послужило 16 и 17 правило Антиохійскаго собора, содержаніе которыхъ оно передаетъ. Вникая въ содержаніе этихъ правилъ, мы не можемъ не замѣтить, что они во второй половинѣ апостольскаго и въ 17 Антиохійскомъ представляютъ совершенно каноническіе выводы изъ совершенно неканоническихъ премиссъ, или предположеній, что легко объясняется особенностями арианскаго собора, низложившаго Аѳанасія, пославшаго въ Александрію чуждаго

и невѣдомаго ей Григорія и по свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ составлявшаго нѣкоторыя изъ своихъ правилъ прямо съ цѣлью примѣненія ихъ къ дѣлу Аѳанасія и противъ него. Епископъ, рукоположенный, но отказавшійся принять служеніе и идти въ вѣренную ему церковь, извергается; это — канонъ. Само собою разумѣется, что если рукоположенный епископъ не принимаетъ служенія не по своей волѣ, а потому, что его не принимаетъ народъ или по другой причинѣ, отъ него независящей, онъ не можетъ подлежать той же или какой бы то ни было, вообще, отвѣтственности, а потому остается епископомъ; это, пожалуй, тоже канонъ, но построенный на почвѣ совершенно невозможнаго или неканоническаго предположенія. Канонично ли рукополагать и посылать епископа въ церковь, къ составу которой онъ не принадлежитъ, которая не избрала его, не просить его и вообще даже не знаетъ его? Вся церковная древность единодушно свидѣтельствуемъ, что во времена Антиохійскаго собора и позднѣе такое рукоположеніе и назначеніе было безусловно не каноничнымъ. Папа Юлій въ посланіи, приводимомъ у Аѳанасія Великаго, потому и признаетъ совершенное изъ Антиохіи назначеніе Григорія Каппадокійца противнымъ *обычаю* и *канону*, что онъ не былъ ни избранъ, ни испрошенъ на мѣстѣ, не принадлежалъ къ составу мѣстной церкви и т. п. На Халкидонскомъ соборѣ по дѣлу Вассіана возбужденъ былъ вопросъ: гдѣ по канонамъ подобааетъ быть рукоположенному ефесскому митрополиту: въ Константинополѣ или въ Ефесѣ? и всѣ епископы, кромѣ одного, сказали: „въ Ефесѣ“. Одинъ только сказалъ: „по обычаю, можно и здѣсь“. При дальнѣйшемъ же разсмотрѣніи того же вопроса, признано также на основаніи обычая и канонѣвъ, что митрополитъ, а слѣдовательно и епископъ вообще долженъ быть избранъ всѣми будущими своими пасомыми. Даже въ правилѣ, переносящемъ рукоположеніе митрополитовъ Понтики, Асіи и Фракіи въ Константинополь вставлена оговорка: „по учиненіи согласнаго по *обычаю* избранія и по представленіи онаго“ (Халкид. 28). Составъ же общаго выше указанъ самимъ соборомъ (избраніе всѣми будущими пасомыми).

Итакъ, Антиохійскій соборъ дѣлаетъ совершенно вѣрный каноническій выводъ изъ совершенно неканоническаго пред-

положенія. А самое предположеніе это было для него безусловно необходимымъ, ибо онъ посылалъ въ Александрію одновременно съ тѣмъ Григорія Каппадокійца, который могъ быть не принять и дѣйствительно оказался не принятымъ. Каноническое чутье и необходимость издать собраніе дѣйствительно каноническихъ правилъ воспрепятствовало арианскимъ епископамъ облечь въ форму правила, совершаемое ими отступленіе отъ каноновъ; они ограничились включеніемъ въ текстъ правила неканонической приписки, открывающей нѣкоторый просторъ для злоупотребленія. Если будетъ рукоположенъ какому либо народу епископъ, а народъ не приметъ его, то онъ остается епископомъ по сану. Все это и вѣрно и справедливо; только рукополагать то въ тѣ времена такимъ образомъ было нельзя ¹⁾. Составитель 36-го апостольскаго правила, сливая въ одно два правила Антиохійскихъ, желалъ выпутаться изъ ложной обстановки второго изъ нихъ представленіемъ своей мотивировки; но не совсѣмъ, можетъ быть, успѣлъ въ этомъ. Мотивировка эта представляетъ изъ себя нѣчто весьма загадочное и пожалуй даже необъяснимое. Мы по крайней мѣрѣ, въ виду указанныхъ выше чисто лексическихъ затрудненій, не беремся даже дать переводъ этой второй части правила. Но по счастью первая часть правила, на которую побѣдоносно ссылается проф. Алмазовъ, совершенно ясна и свидѣтельствуетъ прямо противъ защищаемой имъ теоріи, а не въ пользу ея. Отрицается только предположеніе, изъ котораго оно выводится, будучи вѣрнымъ само по себѣ. Но это предположеніе и самъ Антиохійскій соборъ не канонизировалъ, но облечь въ форму правила, оставивъ его только предположеніемъ. Поэтому и Трулльскій соборъ черезъ принятіе правилъ Антиохійскихъ освятилъ самыя правила, а не тѣ предположенія, которыя не облечены въ форму требованій или воспрещеній и только, такъ сказать, сквозятъ или подразумеваются. Изъ 25 правилъ Антиохійскаго собора 11 начинаются словами: если какой—*ei τις* при чемъ подразумевается епископъ, пресвитеръ или діаконъ и предполагается совершеннымъ то или иное отступленіе отъ законнаго, каноническаго строя. Почти всѣ

¹⁾ Намъ скажутъ, что мы подрываемъ авторитетъ антиохійскаго правила (17) освященнаго церковнымъ принятіемъ. Нисколько. Содержаніе правила остается вполне незыблемымъ.

эти правила съ тѣмъ же вступленіемъ *ei ti*; повторены въ сокращеніи и въ сборникѣ Антиохійскихъ правилъ; напр. Ант. 3, Апост. 15, 16, Ант. 4, Апост. 28; Ант. 5, Апост. 31 и т. д. Такимъ образомъ и 18 Антиох. правило начинается съ предположенія неканоническаго явленія: епископъ не уходитъ въ парикію, въ которую онъ рукоположенъ, но не по своей волѣ, а по просьбѣ, мольбѣ или отказѣ *παραιτησις*, народа или вообще по какой либо иной, не зависящей отъ него причины. Явленіе неканоническое, но епископъ, по мнѣнію собора, не виноватъ, а потому и оставляется за нимъ честь епископства. Виноватъ-ли народъ? Антиохійскій соборъ къ факту отказа или непринятія народомъ относится совершенно объективно, не выражая ему ни малѣйшаго неодобренія и очевидно почитая его явленіемъ возможнымъ и вполне естественнымъ. Поэтому, если почитать рукоположеніе епископа въ парикію безъ предварительнаго согласія и соизволенія самой парикіи узаконяемымъ или оправдываемымъ черезъ 18 правило Антиохійское, то столь же узаконяемымъ и оправдаемымъ черезъ то же правило слѣдуетъ почитать и непринятіе рукоположеннаго народомъ. И къ тому и къ другому предположенію соборъ относится вполне индифферентно, какъ къ двумъ возможнымъ явленіямъ. Если можно на сторонѣ рукоположить епископа въ непрошенную парикію, то и народъ можетъ не принять его. Постановленіе собора касается не этихъ двухъ, дѣлаемыхъ имъ предположеній, изъ коихъ ни то, ни другое не имѣетъ съ его стороны санкціи или узаконенія, а касается только епископа противъ воли не принимающаго служенія и потому невиннаго. Соборъ постановляетъ, что онъ, какъ не виновный, да участвуетъ и въ чести и въ служеніи, нимало только не вмѣшиваясь въ дѣла церкви, въ которой пребываетъ“. Въ этомъ только, а не въ дѣлаемыхъ предположеніяхъ заключается постановленіе—канонъ. Предположенія же только уравниваютъ другъ друга и взаимоисключаютъ другъ друга. Весьма знаменательно, что отцы Антиохійскаго собора непринятаго народомъ рукоположеннаго и назначеннаго епископа не противопоставляютъ вызову содѣйствія со стороны государства, что было тогда вполне возможнымъ. Они прибѣгли къ тому на практикѣ, но не рѣшились и не дерзнули внести въ правило. Въ этомъ сказался каноническій тактъ.

VII.

Профессоръ Алмазовъ въ доказательство того, что пресвитеръ дѣйствуетъ только какъ уполномоченный епископа и только по его порученію, а не въ силу воспринятой имъ благодати, опирается еще на 39 Апостольское правило—главное прибѣжище „предсоборныхъ канонистовъ“. Въ свое время мы подробно говорили уже объ этомъ правилѣ и о ложномъ истолкованіи, придаваемомъ ему „предсоборными канонистами“. Теперь ограничимся только нѣсколькими словами. „Пресвитеры и діаконы, гласить это правило, безъ воли епископа ничего да не совершаютъ, ибо ему ввѣрены людие Господни, и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ“ Переводъ выраженія подлинника *ἀνευ ἑπισκοπῆς* черезъ „безъ воли“ совершенно произволенъ, а потому не вѣренъ. *Ἐπισημή*—мысль, вѣдѣніе, знаніе, а въ предположеніи словеснаго ихъ выраженія,—изрѣченіе, рѣшеніе, согласіе, воля, какъ содержаніе воленія. *Ἀνευ ἑπισκοπῆς τινος*—безъ чьего либо вѣдома, безъ чьего либо согласія. Но если пресвитеръ или діаконъ получили рукоположеніе, то епископу не можетъ быть не вѣдомо, къ чему они рукоположены и на что уполномочиваетъ ихъ самое рукоположеніе. Въ своей рѣчи въ предсоборномъ присутствіи и въ особой статьѣ, напечатанной еще ранѣе, я доказалъ, что въ положеніи пресвитерства надо различать три эпохи: эпоху безразличія между епископствомъ и пресвитерствомъ, совпадающую съ большею частью апостольскаго періода: 2) эпоху единства алтаря въ городской церкви и пребываніе пресвитеровъ только въ качествѣ совѣтниковъ епископа, т. е. сослужащаго ему синедріона, замѣстителей его въ совершеніи таинствъ и проповѣданіи—эпоха 39 правила апостольскаго и 3) эпоха перехода церкви изъ городовъ въ селенія и пригороды, соединеннаго съ образованіемъ приходо-въ съ самостоятельно дѣйствующими въ нихъ пресвитерами, подчиненными епископу, но самостоятельно управляющими ввѣренное имъ проручествовавшюю ихъ Божественною благодатью служеніе. Вы уже видѣли, что епископъ, да и то купно со всею молящеюся съ нимъ церковью, является только орудіемъ преподаванія или призыва благодати на рукополагаемаго, а отнюдь не источникомъ отъ себя и изъ себя ее выдѣляющимъ и черезъ то передающимъ ру-

кополагаемому часть своего служенія. Мы уже видѣли также, что при рукоположеніи пресвитеру преподается или точнѣе испрашивается благодать „еже заступити и правити народъ въ сердцѣ чистѣ“ и совершенія непорочныхъ священнодѣйствъ за народъ.

Мы знаемъ, что въ третій періодъ — періодъ образованія приходовъ внѣ городовъ, никто не долженъ былъ быть рукополагаемымъ въ епископа, пресвитера или діакона вообще, но только съ опредѣленіемъ къ церкви градской или сельской, или мученическому храму или къ монастырю. (Халкид. 6). (Въ подлинникѣ: въ церкви града или села) Рукоположенный въ городскую или сельскую церковь совершалъ въ ней, въ силу полученнаго дара благодати, священнодѣйства за народъ, заступалъ и правилъ народъ, который былъ ему ввѣренъ черезъ рукоположеніе въ церковь, становясь черезъ то и отвѣтственнымъ за него. И все это совершалъ онъ отнюдь не безъ вѣдома епископа, ибо на совершеніе того былъ онъ и рукоположенъ.

Всегда ли и во всемъ ли можетъ дѣйствовать въ свою очередь епископъ *безъ вѣдома* (*ἀνευ ἡγουμένης*) ввѣренной ему церкви, *безъ вѣдома* народа, за который долженъ онъ дать отвѣтъ, *безъ вѣдома* клира ему подчиненнаго? Вотъ напр. рукополагать не можетъ онъ *безъ вѣдома* мѣстной церкви т. е. клира ея и народа. „Тако же (*λατрасως*) да не бываетъ рукоположеніе“, говоритъ седьмое правило Теофила Александрійскаго, требующее чтобы рукополагаемъ былъ тотъ, кого согласно избираетъ все священство (*πᾶν τὸ ἱερατικεῖον*) и комъ будетъ спрошенъ народъ, „аще можетъ и народъ свидѣтельствовать о немъ“. По древнѣйшей формулѣ рукоположенія, сохраненной въ 8 книгѣ Апостольскихъ Постановленій, призывается благодать на „раба твоего сего приговоромъ клира (*ψυφφ τοῦ κλήρου*) во пресвитерство вданнаго“. Произносить эту молитвенную формулу надъ собственнымъ только своимъ кандидатомъ, избраннымъ имъ помимо приговора клира, епископъ, конечно, не могъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ отступалъ бы отъ истины въ призываніи Духа Святаго. Приговоръ клира (*ψήφος τοῦ κλήρου*) не устранялъ, конечно, и участіе народа, о которомъ говоритъ правило Теофила Александрійскаго, какъ объ обязательно вопрошаемомъ. Апостольскія постановленія по отношенію къ пресвитерамъ и вообще

нишимъ чинамъ церковнымъ приводятъ одну только молитву рукоположенія, а не все послѣдованіе, какъ дѣлаютъ это они по отношенію къ епископу. Отсюда явствуетъ, что чины послѣдованія разнствовали только по отношенію къ этой заключительной молитвѣ, сходствуя во всемъ предъидущемъ. По послѣдованію же при рукоположеніи епископа народъ вопрошается, „тотъ ли это, кого они просятъ себѣ въ предстоятели“, свидѣтельствуется ли то, что онъ таковъ, какой требуется, достоинъ ли онъ (*αξιος*) священнослужительства, и только по троекратномъ его одобреніи и данномъ еще знакѣ согласія на самое рукоположеніе, произносится епископомъ соотвѣтствующая молитва рукоположенія. Явно, что даже въ дѣлѣ рукоположенія, чѣмъ и отличается только епископъ отъ пресвитера, епископъ не можетъ и не долженъ дѣйствовать „безъ вѣдома (*ἀνευ γνωμῆς*) всей церкви т. е. клира ея и народа. Но мы имѣемъ еще весьма важное свидѣтельство Златоуста, опирающееся на послѣдованіе и формулу рукоположенія, для насъ, къ сожалѣнію, не сохранившіяся. „Велика, говоритъ онъ, сила собора или церквей... Приговоръ ихъ (т. е. церквей) возводитъ на духовныя степени приступающихъ къ нимъ. Вотъ почему и *готовящійся рукополагать* испрашиваетъ при этомъ и ихъ молитвѣ и они *подають свой голосъ* и возглашаютъ извѣстное посвященнымъ а не посвященнымъ не все можно открывать“ (Бесѣда на 2 Кор. XVIII, 3). Такимъ образомъ епископъ *безъ вѣдома (ἀνευ γνωμῆς)* церкви т. е. клира ея и народа не творитъ даже рукоположенія, составляющаго единственное отличительное полномочіе его сана. А что этимъ только отличается онъ отъ пресвитера, свидѣтельствуется намъ опять тотъ же Златоустъ. „И они (пресвитеры), говоритъ онъ, получили учительство и предстательство Церкви и что говоритъ онъ (т. е. апостоль Павелъ) объ епископахъ, относится и къ пресвитерамъ, ибо однимъ только рукоположеніемъ (*χειροτονεία*) преимуществуютъ епископы и этимъ однимъ представляются они превосходящими пресвитеровъ *τοῦτο μόνον δοξοῦσι*—кажутся) *πλεονεκεῖν τοὺς πρεσβυτέρους* (На 1 Тим. III, 8). Не менѣе сильно выражаетъ ту же мысль бл. Иеронимъ: *quod enim facit ex capta ordinatione episcopus, quod presbyter non faciat* (In Tit. I, 7). Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ говорится по существу совершенно то же. „А рукополагаться повелѣваемъ епископу отъ трехъ или по

крайней мѣрѣ отъ двухъ епископовъ... А пресвитеру и діакону также и прочимъ клирикамъ повелѣваемъ рукополагаться однимъ епископомъ, такъ при томъ, чтобы ни пресвитеръ, ни діакономъ не рукополагали клириковъ изъ мірянъ, но чтобы пресвитеръ только училъ, возносилъ (т. е. совершалъ евхаристію), крестилъ, благословлялъ народъ, а діакономъ чтобы прислуживалъ епископу и пресвитерамъ т. е. исполнялъ должность діаконскую, но отнюдь, чтобы не совершалъ и прочаго“. (III, 19). Итакъ, рукоположенія да не творить епископъ безъ вѣдома (*ἀνευ γυναιῆς*) церкви т. е. клира и народа ея: таковъ императивъ, проходящій черезъ всѣ свидѣтельства, нами приведенныя, и составлявшій, такимъ образомъ, существенное требованіе самого устава древней церкви. Да не подумаютъ, однако, что эта требуемая извѣстность (*γυναιη*) ограничивается только принятіемъ къ свѣдѣнію, молчаливымъ созерцаніемъ, свидѣтельствомъ совершаемаго. Отнюдь нѣтъ. Клеръ согласно избираетъ имѣющаго быть рукоположеннымъ, вдаетъ гласомъ и судомъ своимъ въ пресвитерство; народъ призывается къ свидѣтельству о достоинствѣ или недостоинствѣ предлагаемаго и только по знаку его приступаетъ къ рукоположенію епископъ; приговоръ всей церкви возводитъ на духовную степень, хотя, конечно, рукою епископа.

Отъ рукоположенія, совершаемаго епископомъ, перейдемъ къ епископскому суду. Безъ вѣдома ли (*ἀνευ γυναιῆς*) церкви совершаетъ его епископъ? Мы ограничимся на этотъ разъ только приведеніемъ свидѣтельства Апостольскихъ Постановленій, такъ какъ церковное значеніе этого свидѣтельства, въ силу согласности его съ примѣрами практики всей древней церкви, мы подробно доказали въ другой статьѣ. „Судилища *ваши*“—подъ этими *вы* подразумѣваются всѣ братія, всѣ вѣрующіе, всѣ христіане, ибо нѣсколькими строками ранѣе говорится: язычники не должны знать о происходящихъ между вами раздорахъ, и *вы* не принимайте свидѣтельство противъ себя невѣрующихъ, и не судитесь у нихъ и т. п. (II, 46). Итакъ: „судилища *ваши*, да бываютъ во второй день послѣ субботы, чтобы, если окажется противорѣчіе вашему мнѣнію (приговору, *γυναιη*) вы, имѣя досугъ до субботы, возмogli исправить противорѣчіе. и въ день Господень примирить несогласныхъ между собою. На суди-

лицѣ же пусть присутствуютъ съ *вами и діаконы и пресвитеры*, судя, какъ люди Божіи, съ справедливостью и нелицеприятно. Когда же придетъ, какъ и законъ говоритъ, то и другое лицо, у которыхъ есть тяжба, то каждое пусть станетъ посреди суднаго мѣста, и *вы*, выслушавъ ихъ, праведно выньте жребій, стараясь сдѣлать ихъ обоихъ друзьями, прежде мнѣнія (приговора—*γρωμη*) епископа, чтобы судъ противъ согрѣшившаго не сдѣлался гласнымъ, потому что епископъ и на судилищѣ имѣеть одобрителемъ и свидѣтелемъ Христа Божія“ (II, 47). Совершенно очевидно, что если судъ церковный не могъ совершаемъ быть *безъ вѣдома* (*ἀνευ γρωμης*) епископа и „на судилищѣ имѣющаго одобрителемъ и свидѣтелемъ Христа Божія“, то точно также не могъ онъ совершаемъ быть и *безъ вѣдома* (*ἀνευ γρωμης*) церкви, обязательно участвовавшей въ немъ, въ лицѣ вѣрующихъ, діаконъ и пресвитеровъ. Передъ нами еще обширная область завѣдыванія и распоряженія церковнымъ имуществомъ т.е. та именно область, въ которой епископу вмѣняется особая обязанность дѣйствовать „яко Богу назирающу“ (*ως Θεοῦ ἐφορευοντος*). Само собою разумѣется, что обязательное сознание надзора со стороны Бога отнюдь, какъ увидимъ мы далѣе, не исключало возможности надзора со стороны людей, со стороны церкви, когда такой представлялся осуществимымъ и цѣлесообразнымъ. Въ равной степени предстоящая отвѣтственность передъ Богомъ не освобождала, конечно, и отъ отвѣтственности передъ людьми, когда таковая представлялась осуществимой. Но осуществимы ли были такіе надзоръ и отвѣтственность въ періодъ существованія Церкви въ языческомъ государствѣ, въ большинствѣ случаевъ враждебномъ ей, преслѣдующемъ ее? 38 правило апостольское, изъ котораго заимствуемъ мы выраженіе „яко Богу назирающу“ говоритъ объ имуществѣ церкви *πάντα τὰ ἐκκλησιαστικὰ προκείμετα τὰ τῆς ἐκκλησίας* т.е. о церковномъ фондѣ и инвентарѣ, все равно движимомъ или недвижимомъ, состоящемъ изъ денежныхъ суммъ, домовъ, предметовъ или земель. Все это, конечно, входило въ понятіе о *τὰ προκείμετα ἐκκλησιαστικὰ, τὰ τῆς ἐκκλησίας*. Но была ли принадлежность всего этого имущества церкви ограждена какимъ бы то ни было внѣшнимъ образомъ отъ присвоенія со стороны распоряжающихся и завѣдующихъ? Разумѣется нѣтъ. Фактическими или даже

юридическими владѣльцами ихъ всегда были тѣ, въ чьихъ рукахъ они находились.

Деньги *номинально* принадлежали тому, кто держалъ ихъ въ рукахъ; вещи *номинально* принадлежали владѣльцу помѣщенія, а помѣщеніе или домъ, и земля, подъ нимъ находящаяся, въ свою очередь не могли быть такъ или иначе закрѣпленными за Церковью, какъ не обладающею юридическими правами включая даже право на самое ея существованіе. Никакая сдѣлка отъ имени церкви или на имя церкви до законовъ Константина заключаема быть не могла. Между тѣмъ, мы имѣемъ совершенно несомнѣнныя и даже достаточно обильныя свидѣтельства, что церковь и до Константина не только обладала недвижимою собственностью, но и пріобрѣтала ее, частью даже отъ язычниковъ, какъ напр. покупка для церковныхъ собраній зданія трактца (porina) при Александрѣ Сѣверѣ. Какъ же совершались такія дарственные, завѣщанія и купчія, которыя по отношенію къ язычникамъ необходимо должны были совершиться? Если бы Церковь даже и смотрѣла на себя, какъ на коллегію, чего, кромѣ слабой попытки выставить ее таковою передъ императорами со стороны юриста Тертуллиана, никогда не существовало, то для пріобрѣтенія права собственности и свойствъ юридическаго лица, ей надлежало еще быть коллегіею признанною со стороны государства, а таковою то именно и не была она, несмотря на попытку Тертуллиана, оказавшуюся неудачной. Такимъ образомъ, совершенно понятно, что Церковь владѣла всѣми видами своего имущества либо безъ всякихъ юридическихъ документовъ вообще, либо по документамъ, совершеннымъ на имя подставныхъ лицъ и, вѣроятно, всего чаще епископовъ. Доказательствомъ этого послѣдняго предположенія является ревностная забота каноновъ, чтобы, въ случаѣ смерти и притомъ внезапной смерти епископа, имущество Церкви не смѣшивалось наследниками съ собственнымъ имуществомъ епископа, если онъ и имѣеть такое (εἰ τε ἰδία ἔχει). Въ данномъ случаѣ врядъ ли рѣчь можетъ идти о предметахъ, напр. о церковной утвари, ибо епископъ не жилъ въ помѣщеніи для богослужебныхъ собраній, а утварь церковная легко могла быть отличена отъ собственныхъ вещей епископа, да притомъ и оговорка „если и имѣеть собственное“ лишена была бы смысла. Нельзя же

предположить, что епископъ, въ тѣ времена зачастую еще и семейный, могъ оказаться совсѣмъ не имѣющимъ какихъ либо собственныхъ вещей напр. платья, предметовъ домашняго обихода и т. п. Итакъ, рѣчь идетъ объ имуществѣ, какъ состоянїи, въ деньгахъ или недвижимости заключающемся. Но и о денежномъ капиталѣ врядъ ли можетъ идти въ данномъ случаѣ рѣчь, ибо денежный капиталъ епископа, если бы имѣлся таковой, представляетъ величину мѣняющуюся, измѣнчивую, легко подлежащую скриванїю въ случаѣ смерти епископа со стороны жены, дѣтей его, сродниковъ или рабовъ, а потому каноны ограничивались бы указанїемъ на необходимость знать въ точности составъ находящагося въ рукахъ епископа имущества церкви, не заботясь объ извѣстности собственнаго его имущества. Другое дѣло, если напр. изъ двухъ, числящихся за епископомъ домовъ, одинъ принадлежалъ церкви, хотя и приобрѣтенъ былъ или завѣщанъ на его имя, а другой составлялъ личную или родовую его собственность (*τὰ ἴδια τοῦ ἐπισκόπου*) одинъ участокъ земли или поля принадлежалъ епископу, а другой былъ только закрѣпленъ за нимъ, составляя имущество церкви (*τὰ ἴδια τῆς ἐκκλησίας*). Только такая смѣшанность имущества Церкви съ собственнымъ имуществомъ епископа, если и имѣетъ онъ такое, можетъ быть подразумеваемой канонами (Апост. 40 Антиох. 24). Само собою разумѣется, что канонъ, заботясь о сохранности церковнаго имущества, проявлялъ одновременно съ тѣмъ свою заботу только о христіанскихъ сродникахъ епископа, „имѣющаго иногда жену и дѣтей“, несомнѣнно принадлежащихъ къ Церкви, дабы они подъ предлогомъ охраны принадлежащаго Церкви, не были лишаемы своего; наследники изъ язычниковъ, въ силу закона, вступали во владѣнїе всѣмъ оставшимся имуществомъ, принадлежало ли оно Церкви или лично самому епископу. При такомъ положенїи вещей и обязательной смѣшанности церковнаго имущества съ частнымъ, церковное имущество, разумѣется, не было ограждено отъ постоянной возможности присвоенїя и расточенїя его тѣмъ, кто являлся распорядителемъ его и фиктивнымъ владѣльцемъ. Внѣшнїй государственный строй не являлся въ этомъ случаѣ охранителемъ, да къ нему не было возможности и прибѣгать. Само собою разумѣется, что церковное достоянїе

въ виду этого нерѣдко становилось жертвою проходимцевъ, даже лже-христіанъ, именно съ цѣлью наживы втиравшихся въ Церковь и фарисейски привлекавшихъ къ себѣ довѣріе. Языческій писатель Лукіанъ на основаніи ходячихъ разсказовъ изобразилъ такого проходимца въ своемъ Перегринѣ Протеѣ. О другомъ такомъ же проходимцѣ—папѣ Каллистѣ—сообщаетъ такую же исторію Ипполитъ Римскій. Въ посланіи Поликарпа Смирнскаго говорится о пресвитерѣ Валентѣ и женѣ его, расточившихъ или похитившихъ церковное имущество. Оттого то каноны и сосредоточиваютъ епископа власть распоряженія церковнымъ имуществомъ, мотивируя это тѣмъ, что если ему ввѣрены драгоцѣнныя души людей, то тѣмъ болѣе должно быть заповѣдано распоряженіе черезъ пресвитеровъ и діаконовъ церковнымъ имуществомъ на пользу бѣдныхъ, принадлежащихъ къ числу тѣхъ же душъ (Апост. 41). Само собою разумѣется, что если, по надлежащемъ испытаніи, ему сочтено было возможнымъ ввѣрить драгоцѣнныя души человѣческія, то ему болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, можно ввѣрить деньги (*χορηγία*) и распоряженіе ими черезъ пресвитеровъ и діаконовъ. Но распоряжаться долженъ онъ „яко Богу назирающу“ за отсутствіемъ и невозможностью другихъ гарантій. Правда, что Церковь имѣетъ въ рукахъ своихъ духовный судъ, которымъ можетъ карать она усвоителя ея собственности, подвергая его отлученію или изверженію, какъ и было поступлено съ пресвитеромъ Валентомъ и женою его. Но этотъ судъ страшенъ и вліятеленъ только для боящихся Бога, для желающихъ дѣйствовать „яко Богу назирающу“ и совершенно безсиленъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ. Не утратить преддверіе — церковный судъ того, кому не грозна самая дверь—Божій судъ. Между тѣмъ призывъ епископа дѣйствовать въ распоряженіи церковнымъ имуществомъ „яко Богу назирающу“ (Апост. 39), со всею осмотрительностью и страхомъ Божиимъ“ (Апост. 25) нисколько не устраняетъ и возможности наблюденія человѣческаго или, точнѣе, наблюденія церкви. Мы уже видѣли, что распоряжаться вмѣняется ему черезъ пресвитеровъ и діаконовъ т. е. съ вѣдома ихъ, хотя это прямо и не говорится. Далѣе говорится, что какъ имущество церкви, такъ и собственное имущество епископа должно быть *явнымъ* (*φανερὸν εἶναι*) Апост. 40 Антиох. 24). Явнымъ для кого? Само собою разу-

мѣется, что не для епископа, ибо правило говоритъ именно о томъ, что можетъ возникнуть, въ случаѣ внезапной его кончины. Итакъ, *явность, вѣдомость* должна существовать для церкви или по крайней мѣрѣ для сослужителей епископа пресвитеровъ и діаконовъ. Но церковное имущество не представляетъ изъ себя чего либо вполнѣ неподвижнаго, стойкаго; оно подлежитъ приращенію и убыли, а потому и эти измѣненія въ немъ должны совершаться съ вѣдома церкви, а не безъ вѣдома ея (*ἀνευ γρωμῆς*).

Правда, что здѣсь самый терминъ *безъ вѣдома* (*ἀνευ γρωμῆς*), которому по отношенію къ епископу придаютъ „предсоборные канонисты“ такое великое и рѣшающее значеніе, пока еще не употребленъ, но выражаемая имъ мысль поддается всѣмъ изложеніемъ предъявляемыхъ канонами требованій. Но и самый терминъ не можетъ почитаться отсутствующимъ. Возлагая на епископа обязанность распоряжаться церковнымъ имуществомъ, удѣляя изъ него и на необходимыя ему нужды, если нуждается, и на нужды страннопріемлемыхъ имъ братьевъ, Антиохійскій канонъ присовокупляетъ: „Если же не довольствуется этимъ и обращаетъ имущество на домашнія свои потребности, и доходы церкви и плоды полей употребляетъ *не по согласію* пресвитеровъ или діаконовъ (*μὴ μετὰ γρωμῆς*)... таковой да представитъ отчетъ собору области“ (Антиох. 25). Совершенно понятно, что выраженіе *μὴ μετὰ γρωμῆς*,—употребленное здѣсь о пресвитерахъ и діаконахъ по отношенію ихъ къ епископу, совершенно тождественно съ выраженіемъ *ἀνευ γρωμῆς*, на которомъ „предсоборные канонисты“ обосновываютъ авторитетъ или всевластіе епископа, равно какъ и отсутствіе самостоятельности или абсолютное безвластіе пресвитеровъ и діаконовъ. Явно, что епископъ точно также *безъ вѣдома* (*ἀνευ γρωμῆς*) пресвитеровъ и діаконовъ не долженъ распоряжаться церковными имуществами доходами и плодами полей, какъ *безъ вѣдома епископа* (*ἀνευ γρωμῆς*) ничего не должны творить пресвитеры и діаконы. Позднѣе Халкидонскій соборъ, напоминая о необходимости для каждой церкви, имѣющей епископа, имѣть и эконома изъ своего клира, который распоряжался бы церковнымъ имуществомъ по мысли, рѣшенію, приговору или волѣ (*κατὰ γρωμῆν*) епископа, мотивируетъ необходимость эту тѣмъ, чтобы „домоправительство церкви

не безсвидѣтельно было (*ἀσφάλτως εἶναι*). „Безсвидѣтельно“ передъ кѣмъ? Конечно, не передъ епископомъ, который въ засвидѣтельствованіе своихъ распоряженій и дѣйствій, разумѣется, никакой нужды имѣть не можетъ. Если же засвидѣтельствованность распоряженія нужна не епископу и не передъ епископомъ должна совершаться, то она нужна очевидно церкви, передъ которой и должна быть совершаема (Халк. 26). Но если епископъ не можетъ и не долженъ распоряжаться церковнымъ имуществомъ „безсвидѣтельно“, то онъ не можетъ и не долженъ дѣйствовать безъ косвенной или послѣдующей освѣдомленности церкви или по крайней мѣрѣ пресвитеровъ и діаконѳвъ, какъ по Антиохійскому правилу не можетъ и не долженъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи *не съ вѣдома ихъ* (*μὴ μετὰ γρωμῆς*) или, что тоже самое, *безъ вѣдома ихъ* (*ἀνευ γρωμῆς*).

Н. Аксаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
